

Павел Владимирович Петрухин

Заметки о новгородских берестяных грамотах (грамоты № 22, 122, 1094, 1121)

1. Грамоты № 1094 и 22

Известно, что в средневековой восточнославянской письменности слова с этимологическим корнем *господ-*, такие как *Господь*, *господинь*, *господа*, *господарь*, могли писаться без начального *г*, например, в виде *wсподинь*. А.А. Шахматов (1886: 166), указав на подобные формы в пергаменных грамотах Новгорода, Пскова и Полоцка, отметил, что "выпускание такого *г* могло быть не только графическим", поскольку соответствующие формы встречаются в русских диалектах. Л.Л. Васильев (1908: 205-206) пришел уже к твердому выводу о том, что за написаниями с начальным *о* стоит соответствующее произношение. Он же обратил внимание на сокращения типа *оѣнь* и показал, что последние передают произношение типа [оспо́д'ин], в то время как буква *г* здесь – всего лишь "излишний остаток традиционного письма". Замечательным подтверждением этого наблюдения Васильева стала берестяная грамота № 964 (1360-1380→), в которой сокращения *оѣну*, *оѣне* соседствуют с полной записью *wсподине*, ср. (НГБ XII: 75). Наиболее подробным образом данный вопрос исследован в работе А.А. Зализняка (1990: 6-25)¹, который (очевидно, независимо от Васильева) пришел к тем же выводам.

Б.А. Успенский (2002: 157) объясняет произношение данной группы слов без начального согласного традицией чтения буквы *г* в виде фрикативного [ɣ] в церковной языковой практике. На севере Руси, где фрикативная фонема отсутствовала в разговорном языке, стремление следовать книжному произношению могло приводить к полному отпадению *г* в соответствующих словах. Успенский допускает, что "само отсутствие звука могло приобретать своего рода гиперкорректный характер и определять таким образом особую манеру книжного произношения соответствующих форм в XIV-XV вв." (*там же*).

В берестяных грамотах, согласно Зализняку, "среди полных написаний тип *господ-* является древним, тип *оспод-* – более новым, причем смена их произошла за довольно короткий период – во 2-й половине XIV в." (НГБ IX: 235). Сокращения типа *гѣне*, часто встречающиеся в грамотах XV в., Зализняк справедливо считает условной записью, которая "читалась (или хотя бы могла читаться) как *осподине*" (*там же*). Позднейшие находки грамот подтвердили эти наблюдения. Так, в грамоте № 963

¹ Текст статьи (Зализняк 1990) почти дословно воспроизведен в (НГБ IX: 234-241).

(1410-1420)² при последовательном (6 раз) полном написании соответствующих слов без *z* сокращенное написание имеет вид *гс²ине* (ср. НГБ XII: 75).

В то же время решительный вывод Зализняка о том, что “во 2-й половине XIV в. произношение рассматриваемой группы слов без *z* [...] становится нормой живой новгородской речи” (НГБ IX: 235), требует уточнения. Здесь очевидное противоречие: если, как пишет Зализняк, именно во 2-й половине XIV в. написания типа *господ-* вытесняются написаниями типа *остпод-* (ср. приведенную таблицу с данными берестяных грамот, *там же*) и если это вытеснение обусловлено изменениями в произношении (что, кажется, не вызывает сомнений ни у кого из современных исследователей), то надо полагать, что формы с начальным *o* становятся “нормой живой новгородской речи” несколько позже, т. е. в XV в., в то время как 2-я половина XIV в. представляет собой переходный этап, для которого характерна конкуренция двух типов произношения.

Ниже приведена таблица с данными грамот. В таблицу включены только ‘полные’ написания рассматриваемых слов. В разграничении полных и сокращенных написаний я следую принципам, изложенным в НГБ IX: 234.

	тип ГОСПОД-	тип ЁСПОД-
1025-1050→	247	
1120-1140	84	
1160-1180→	682	
←1180-1200→	502	
1180-1200→	152, 272 (3×)	
1200-1220→	531 (3×), 112	
1220-1240	147	
1280-1300	148	
1280-1300→	929	
1300-1320	55 (2×), 67	
1300-1320→		1163
←1320-1340	140	
1320-1340→	4	
←1340-1360		358
1340-1360	98, 102	31, 284
1340-1360→		1076 (3×)
1360-1380	594, 756 (2×)	182

² Здесь и далее тексты грамот (если не оговорено иное) приводятся в том виде, как они представлены на интернет-сайте www.gramoty.ru, датировки грамот указываются в соответствии с обозначенными там же условными датами.

	тип ГОСПОД-	тип ЁСПОД-
←1360-1380→	1132 (2×)	133, 1099
1360-1380→		372, 1097, 964
←1380-1400		446 (7×)
←1380-1400→		1074
1380-1400	167, 248 (2×)	Ст.Р. 40, 22
1380-1400→		135, 362, 757, 1093
←1400-1410		359 (2×)
1400-1410		23 (3×), 519
←1400-1410→		540
1400-1410→		305 (2×), 310 (5×), 413
←1410-1420		693
1410-1420		17 (2×), 963 (6×)
1410-1420→		494/469 (4×)
←1420-1430		1171
←1420-1430→		1155 (2×)
1420-1430		242 (2×), 243
1420-1430→	306	301 (5×), 302 (2×), 304, 307 (6×), 465, 466
1430-1450		962 (6×)

Содержание таблицы может быть суммировано следующим образом:

	тип ГОСПОД-	тип ЁСПОД-
XI – I пол. XIV в.	15	–
2 пол. XIV в.	7	18
XV в.	1	23

Таблицы показывают, что хотя во 2-й половине XIV в. написания типа *оспод-* заметно преобладают над написаниями типа *господ-*, в целом перед нами переходный период, когда возможны оба типа написаний³.

³ По-видимому, колебания между, условно говоря, формами *господин* и *осподин* имели место и позже. На это указывает русско-немецкий разговорник Т. Фенне 1607 г. (Hammerich, Jakobson 1970), ср., например: *Moi gospodin prislall komne grammatu* (200, 10) и *Moi aspodin svall tebe ksebe gosti* (228, 2), *Tomu rosumenu gospodinu* (264, 1) и *Skasi mnie tzto mne svoimu aspodinu ottebe skasat* (237, 6).

Что касается сокращений (не включенных в приведенные выше таблицы), тип с начальным *z* (например, *гѣне*) господствует в берестяной письменности на протяжении всей ее истории, написания же типа *ωѣне* на данный момент представлены только в четырех грамотах 2-й половины XIV-начала XV в.: № 579, 406, 964, 166.

Особого внимания требуют случаи, когда перед сокращением стоит предлог в виде согласной буквы (реально в примерах встречается только предлог *к*): после такого предлога сокращение всегда начинается с буквы *o*, ср.: *к оѣну* (№ 610), *к огну* (№ 101), *к оѣжи* (№ 354), *к оѣдиноу* (№ 339). Добавим сюда наблюдение Зализняка о том, что “в сочетании с предлогом ‘к’ слова ‘господин’ и ‘господарь’ (в полном написании) засвидетельствованы в берестяных грамотах XIV-XV вв. только в следующем виде: *к осподину* 17, 23, *к осподар(ю)* 465” (НГБ IX: 241) (позднейшие находки берестяных грамот ничего не изменили в этой картине).

Особенно показательны грамоты, в которых запись с *o* после предлога *к* соседствует с записью без *o* после гласной буквы, ср. в грамоте № 101 (1340-1360): *поклоно к огну*, но *а гну стѣи*; в грамоте № 610 (1360-1380→): *Поклонѣ ѿ Роха к оѣну моѣму к Фефилату, что бы ꙗси, гѣне, дале мѣсце мнѣ на дорѣ*.

Возможное предположение, что в написаниях типа *коѣну* буква *o* относится к предлогу, т.е. что перед нами предлог *къ*, записанный в силу эффекта *ѣ* → *o* в виде *ко*, следует отклонить, так как, во-первых, в грамотах № 101, 354 и 610 предлоги последовательно пишутся без конечного *ѣ*, во-вторых, в грамотах № 354 и 610 нет смешения *ѣ* и *o*.

Почему же мы находим в грамотах *оѣну* после согласной буквы, но *гѣну* после гласной? Чтобы разобраться в этом, нужно сделать небольшое теоретическое отступление и коснуться вопроса о начальном обучении грамоте в средневековой Руси. В его основе лежала так называемая система “чтения по складам” (Успенский 1970/1997). Этот метод обучения грамоте оказывал заметное воздействие на процесс письма – воздействие тем более сильное, чем менее искусственным в письме был пишущий. Наиболее глубокий отпечаток система чтения по складам оставила в так называемом “бытовом письме”, поскольку им пользовались люди, прошедшие лишь начальное обучение грамоте. Последнее в средневековой Руси предполагало только обучение чтению, но не обучение письму (во всяком случае, книжному). Бытовое письмо полностью обусловлено навыками, приобретенными в ходе обучения чтению⁴, и есть результат применения этих навыков в обратном порядке: если читающий сначала произносил звучание каждого слога (склада) в отдельности, а затем соединял звучания отдельных складов и получал звучание слова целиком (см. подробнее: Успенский 1970/1997), то пишущий, наоборот, сначала произносил по слогам словоформу, которую требовалось записать, а затем записывал эти слоги – как правило, пользуясь складами, заученными в ходе освоения грамоты.

В системе чтения по складам все слоги делились на два типа: 1) состоящие из сочетания согласных букв с гласными (условно CV); 2) состоящие из одной глас-

⁴ См. Петрухин 2020, 2023.

ной буквы (условно V). В бытовом письме противопоставление двух типов слогов проявляется двойко: во-первых, такая характерная особенность этого письма (также связанная с правилами чтения), как мена букв *ѣ* и *о*, *ь* и *е*, возможна только в слогах типа CV, но не в слогах типа V³; во-вторых, в слогах типа CV и в слогах типа V могут использоваться разные графемы гласных, например, в первом случае *о*, во втором – *ω*.

В свете сказанного написание *оѣну* после согласной буквы и *гѣу* после гласной получает простое объяснение. Прежде чем передать на письме словосочетание *к осподину*, пишущий произносит его вслух по слогам. При этом предлог *к* образует единый слог с последующим гласным *о*, т.е. слоговоеделение получает вид: *ко-спо-ди-ну*. Переходя непосредственно к письму, пишущий сначала записывает слог *ко*, а затем добавляет к нему привычную “идеограмму” (пользуясь термином Зализняка) в форме дательного падежа – *гѣу*. При полном написании соответствующих слов происходило то же самое, за исключением использования “идеограммы”.

Если пишущий произносит рассматриваемую группу слов с начальным *г*, вышеописанного явления, естественно, не наблюдается. Так, в грамоте № 1094 (1380-1400→) имеется следующая адресная формула: *челобѣтьѣ ѿ волоса гѣну к ѿфоносу и къ михалѣ*. Простейшее объяснение записи *гѣну* состоит в том, что за ним стоит произношение [ггосподину]. Передача двойных согласных с помощью одной буквы – очень характерная особенность берестяных грамот (конечно, также отсылающая к чтению по складам, где отсутствовали склады с двойными согласными), ср., например, грамоту № 125 (1400-1410), где, как и в грамоте № 1094, при указании адресата предлог *к* пропущен только перед словоформой, начинающейся с буквы *г*: *поклонѣ · ѿ маринѣ · къ сѣу · к можму григорью* (ср. ДНД2: 657).

Впрочем, А.А. Гиппиус и А.А. Зализняк объясняют написание *гѣну* в грамоте № 1094 иначе, а именно (Гиппиус, Зализняк 2018: 10-11):

за ним стоит либо *осподину*, либо *к осподину*. В первом случае автор, по-видимому, допустил синтаксическую погрешность, нечаянно совместив в одной конструкции (*челобѣтьѣ осподину к Офоносу*) две равно допустимые модели – *челобѣтьѣ кому* (как в грамотах № 15, 129, 297, 300, 310) и *челобѣтьѣ к кому* (как в № 135, 167, 314, 354, 413). Во втором случае автор либо просто случайно пропустил предлог *к* *гѣну* (или *къ гѣну*), либо механически упростил *кг* в *г* по аналогии со случаями, когда упрощение *кг* → *гг* → *г* имеет фонетическую причину.

Итак, исходя из того, что автор грамоты № 1094 Волос произносил интересующую нас группу слов без начального *г*, Гиппиус и Зализняк предлагают на выбор три

---

⁵ В бытовом письме данный принцип записи проводится вполне последовательно, однако в той или иной степени он мог действовать и у более искушенных писцов, поскольку последние также учились грамоте по системе чтения по складам, сведения же, полученные на последующих этапах обучения, не всеми усваивались одинаково хорошо.

объяснения для написания *гѣну*. Расположим эти объяснения в порядке возрастающей сложности.

Проще всего, конечно, версия о случайном пропуске предлога *к*. Однако, во-первых, грамота № 1094 не содержит ни одной явной ошибки, во-вторых, как показано выше, сокращенная запись в подобных случаях имела вид *к оѣну*, а не *к гѣну* или *кѣ гѣну*; следовательно, при случайном пропуске предлога запись имела бы вид *оѣну*. На то, что механизмы письма, приводившие к неизменному отражению начального *о* после предлога *к* в словах рассматриваемой группы, были актуальны и для писца грамоты № 1094, указывает сама адресная формула с интересующим нас написанием *гѣну*: в записи *кѣфоносу* <к Офоносу> эффект *о* → *ѣ* возможен в силу того, что буквенная последовательность *кѣ* образует единый графический слог, ср. здесь же: *кѣ Михалѣ*.

Несколько сложнее версия о случайном объединении двух вариантов адресной формулы (точнее говоря, о переключении с одной синтаксической модели на другую по ходу написания адресной формулы).

Наконец, наиболее сложна версия о 'механическом' упрощении *кѣ* в *г*. Это объяснение подразумевает, что когда перед Волосом встала задача передать на письме словосочетание *к осподину*, в его воображении возникла буквенная последовательность *кѣгѣну*; эта воображаемая запись, в свою очередь, наваяла ассоциацию с фонемной последовательностью <кѣ>, каковая в определенных фонетических условиях подвергалась ассимиляции и упрощению и соответствующим образом могла передаваться на письме. В правдоподобии данной версии заставляет усомниться не только ее сложность, но прежде всего, опять же, тот факт, что словосочетание *к осподину* при сокращенной записи выглядело как *к оѣну*, а не *к гѣну*.

Очевидно, что весь этот набор предположений разной степени сложности нужен лишь для того, чтобы не ставить под сомнение тезис о невозможности произношения типа *господин* во 2-й половине XIV в. Если же не держаться за этот тезис, то вопрос решается простейшим образом.

Обратимся теперь к берестяной грамоте № 22 (1380-1400):

Внешняя сторона

цѣлоб[ИТ]икѣ ѿ лѣн[Ь](Т)Ь(А К) ...
ю ходиль · ѿсподину · ѣнѣ мо(и) (...)
...

Внутренняя сторона

...ан[Ъ П]шѣнѣке
... взалъ · і · кадець пшѣниц[И]
(...) [а ны]ни [ц]то [у] на[съ] ...
(...)

Документ входит в комплекс грамот конца XIV-начала XV в., обнаруженных на новгородском Неревском раскопе, на перекрестке Великой и Холопьевой улиц, и связанных с именами двух братьев – Есифа и Фомы⁶.

Содержание грамот характеризует братьев как крупных землевладельцев: в переписке упомянуты 17 сел, которыми они управляли через приказчиков, получая оброк хлебом и пушшиной. Возможно, Фома имел какое-то отношение к новгородской посадничьей администрации, в частности, занимался судебными делами (Черепнин 1969: 320-321)⁷. Челобитная, представленная в грамоте № 22, по-видимому, связана именно с административными обязанностями Фомы.

Многолетнее изучение грамоты в основном сфокусировано на фразе *ходилъ ѿсподину⁸ снѣ мо(и)*. В НГБ (II: 22-24) грамота дана вовсе без перевода. В НГБ (IX: 127) Зализняк отметил, что в *ѿсподину* “последняя буква плохо видна, но она гораздо более похожа на *ь*, чем на *у*”, и предложил видеть здесь форму звательного падежа, записанную с характерным для бытового письма эффектом *e* → *ь*, т.е. *ѿсподин[ь]*. “Благодаря этой поправке, – писал Зализняк, – вместо бессмысленного текста *ходилъ ѿсподину снѣ мо(и)* получается вполне осмысленная фраза *ходилъ, ѿсподин[ь]* (обращение, *ь* = (<*e*>), *снѣ мо(и)*” (*там же*, ср. ДНД1: 571). Вскоре, однако, Зализняк установил, что грамота № 22 написана тем же почерком, что и грамота № 1, причем в последней буква *у* имеет такой же вид, как в *ѿсподину* грамоты № 22. В итоге Зализняк констатировал, что “необходимо в этом пункте вернуться к чтению издателей” (НГБ X: 84). Далее он писал (*там же*):

Заметим, что возвращение к чтению *ѿсподину* заново ставит нас перед лицом загадочной фразы *ходилъ ѿсподину снѣ мо...*, которой, по-видимому, начинается основной текст письма № 22. Если не предполагать описок, простого синтакси-

⁶ В.А. Буров (1979: 219-224), опираясь на наблюдения А.В. Арциховского, Л.В. Черепнина и В.Л. Янина, отнес к этому комплексу 11 грамот. Подраздел *Переписка братьев Есифа и Фомы и относящиеся к ним документы* (Д1) в ДНД2: 643-650 также содержит 11 текстов. Тем не менее, состав грамот в том и другом случае не вполне совпадает: у Булова отсутствует грамота № 22, у Зализняка – грамота № 25. Дело в том, что Зализняк включает в комплекс лишь такие тексты, которые либо непосредственно содержат имена братьев, либо обнаруживают почерк, совпадающий с почерком по крайней мере одного из писем с упоминанием Есифа или Фомы; грамота № 25 не отвечает ни тому, ни другому критерию, поэтому Зализняк оставляет ее за рамками комплекса. Напротив, Буров добавляет грамоту № 25 в комплекс как “найденную в слоях вместе с другими письмами братьев” (Буров 1979: 220, примечание 19). В то же время Буров не знал о том, что грамота № 22 имеет один почерк с грамотой № 1 (с упоминанием Фомы), этот факт был установлен Зализняком в 1995 г. (ДНД2: 648).

⁷ Предположение В.А. Булова (1979: 224) о том, что Фома был “причастен к суду тысяцкого”, опирается на текст грамоты № 25, которую нельзя с уверенностью отнести к блоку Есифа и Фомы.

⁸ В ДНД2: 649 в этой словоформе ошибочно дана буква *ѡ* вместо *ѿ* (Гиппиус, Сичинава 2021: 181).

ческого и семантического решения здесь не видно. Синтаксически безусловно решение типа ‘ходил господину сын мой вослед’, но оно непригодно по смыслу и по стилю. Может быть, перед нами начало фразы типа ‘ходил господину сын мой в испошниках (в ключниках и т. п.)’ (хотя и в этом случае более естественным было бы у *ѡсподина*).

Эти соображения отражены и в переводе, данном в ДНД2: 649: “Челобитие от Лѣнтія к ... Ходил господину сын мой ...’ Как продолжалась эта фраза, неясно (возможно: ‘... в испошниках’, ‘... в ключниках’ или что-то иное по этой схеме)”.

В самом деле, данное чтение проблематично как с синтаксической точки зрения (в истории русского языка неизвестны конструкции типа “ходить X-у в ключниках”), так и “по смыслу и по стилю” (напоминая некий эпический зачин, едва ли уместный в челобитье).

Казалось бы напрашивающееся предположение о случайном пропуске предлога *к* перед *ѡсподину* Зализняк даже не обсуждает, и причины этого вполне ясны.

Во-первых, грамота № 22 не имеет никаких явных ошибок. Это можно было бы объяснить краткостью текста, однако и в написанной тем же писцом грамоте № 1 – “одной из самых больших грамот, когда-либо найденных в Новгороде” (Янин 1998: 42) – число описок минимально, а именно: “*дво* вместо *дву*, повторение *ло* в *пололоть*, повторение *бъ* (перед у *Гаванова*); перед *Харилнова* пропущен предлог *с*” (ДНД2: 649).

Во-вторых, графема “*о* широкое” всегда обозначает слог, равный одной гласной букве (слог типа V), и противопоставлена графеме “*о* узкое”, выступающей после согласной буквы (в слоге типа CV). Сочетание предлога, выраженного одной согласной буквой, с начальной гласной следующего слова представляет собой, как уже отмечалось выше, слог типа CV, в связи с чем в грамоте № 1 находим, например: *с овстьѣва села, с ошвина села*. Следовательно, случайный пропуск буквы *к* в грамоте № 22 дал бы написание *осподину*, а не *ѡсподину*. Может быть, писец хотел написать *къ ѡсподину*? Однако и это предположение не проходит: в грамоте № 1 предлоги, фонетически представленные одним согласным, последовательно пишутся без ‘ера’, ср. *слути*(*анова села*), *с васильѣва с[e](ла)*.

Между тем возможно такое решение, которое, не предполагая случайной ошибки, все же допускает, что за формой *ѡсподину* скрывается ‘к господину’.

Зализняк (ДНД2: 649) обратил внимание на то, что в грамотах № 1 и 22 “[в] место двойных согласных регулярно пишутся одиночные” (разрядка моя – П.П.), ср.: *трицать, каци* ‘кадцы’, *Сменова села, Сменова стан[у]* ‘с Семенова’, *Шадрина села* ‘с Шадрина’, возможно, (*д*)*ружиного* ‘дружинного’.

Данное явление следует рассматривать не как ряд ошибок, а как последовательно проведенный графический прием. Отмечу, что в целом написание предлогов у данного писца подчинено фонетическому принципу: например, при отсутствии ассимиляции предлог *с* записывается как *с* (не *сѣ*!), ср. *с васильѣва, с ошвина*; при ассимиляции по звонкости с последующим согласным – как *з*, ср. *з бабиниѣхъ*; наконец, если этот

предлог образует со следующим согласным двойной согласный звук, используется одна буква, ср. *Сменова, Шадрина*.

Отсюда понятно, что если писец грамот № 1 и 22 произносил слово ‘господин’ с начальным *г*, то словосочетание к *господину* он несомненно записал бы как *господину*.

В то же время ему, как человеку, активно вовлеченному в берестяную переписку, в частности, занимающемуся составлением деловых документов⁹, несомненно было знакомо написание типа *ωсподинъ*. О том, насколько частотным был этот тип написания в берестяных грамотах конца XIV в., можно судить, например, по грамоте № 446 (←1380-1400):

поклоуъ · ѿ кондрата · осподину своему юрю
и ѿо всиухъ селанъ · что еси · осподине конъ подаваѣ
лъ · и тьи · осподине · конъ · захарья вѣдаваѣ
тъ · оу насъ · что бы есь осподине · оу
налъ его · или осподине · не оуимешь · и ты · оспо
дине · пошли по остатокъ · а намъ
осподине · немоч[ь]но жить ·

В целом нормы правописания отнюдь не были чужды нашему писцу: в грамотах № 1 и 22 нет ни одного случая мены *ѡ – о* и *ѡ – е*. Предположим, что он, произнося [господин], использовал написание типа *ωсподинъ* как орфограмму. Поскольку в его графической системе такие фонетические последовательности, как [господину] и [ггосподину], не различались и имели вид *господину*, использование орфограммы в обоих случаях могло давать написание *ѡсподину*.

Описанное здесь явление хорошо иллюстрирует разницу между такими основополагающими понятиями теории письма, как графика и орфография¹⁰. Как известно, графические правила обеспечивают адекватную передачу на письме звучащей речи (и наоборот, адекватное преобразование письменного текста в звучащую речь), орфографические же правила приводят написание словоформ в соответствие с принятыми в данном обществе нормами. Зализняк (2002: 586) называет графически правильной такую запись, которая “будучи прочитана по основным правилам чтения [...] дает именно ту фонетическую последовательность, которая записывалась. Например, для словоформы [слпѡк] графически правильны записи *сапог, сапок, сопог, сопок*”. Орфографию Зализняк определяет как “совокупность правил, предписывающих выбор одной из графически правильных записей для всех случаев, когда такая запись не единственна. В качестве исключения орфография может также предписывать

⁹ Можно полагать, что он исполнял обязанности писаря при Фоме: грамота № 1 “представляет собой роспись доходов с ряда сел” (ДНД2: 649), грамота № 22 – челобитная.

¹⁰ См. об этом Бодуэн де Куртэне 1912: 414; Щерба 1957: 147-150; Зализняк 1979: 148-152; 2002: 585-588).

для отдельных слов или словоформ запись, которая не входит в число графически правильных, как, например, *сегодня*”.

В нашем случае правила графики и правила орфографии вступают в довольно сложное взаимодействие. Написание *господину* в значении ‘к господину’ является для данного писца графически корректным, будучи в то же время некорректным с точки зрения стандартных графико-орфографических норм; напротив, написание *остодинъ*, взятое как орфограмма (вне контекста), для этого писца (если допустить, что он произносил это слово с начальным *г*) графически некорректно, но корректно орфографически (ср. *сегодня*). В результате взаимное наложение графического правила и орфограммы дает написание, которое не соответствует в полной мере ни графическим правилам данного писца (поскольку не передается *г*), ни стандартной орфографии (поскольку не передается предлог *к*).

Перевод *ходилъ ѿсподину сѣъ мо(и)* как ‘Ходил к господину сын мой’ делает эту фразу синтаксически правильной и осмысленной. Кроме того, предложенная интерпретации придает фрагментарному тексту грамоты № 22 некоторую связность, так как можно предположить, что фраза на обороте грамоты *взялъ ·и· кадець пшениц[и]* ‘взял 10 кадей пшеницы’ также относится к сыну автора челобитья Лёнтия: начав грамоту со слов о том, что его сын ходил “к господину”, Лёнтий далее, излагая суть дела, сообщает о цели этого визита.

2. Грамота № 122 (←1410-1420→)

Данная грамота также относится к блоку текстов, имеющих отношение к братьям Есифу и Фоме.

слово добро ѿ ксифа брату фо^чъ
не забудь льва о позвъѣ доръжи
а позвъале родивале падиногине
а иною все добро здорово а ть то помъни

В (ДНД₂: 644) фраза *Не забудь Льва о позвъѣ доръжи* переведена как ‘Не забудь Льва в связи с вызовом [на суд] ...’. Сегмент *доръжи* Зализняк оставил без перевода, отметив (*там же*):

Отрезок *до ръжи* (или *доръжи*) остается темным. Возможны версии: а) *до ръжи* ‘ко ржи’, ‘по делу о ржи’ (с неясным *ь* в *ръжи*); б) *до р<т>жи* ‘для раздела’ (?) (от незасвидетельствованного слова *ръжа* ‘разрезание’, ‘раздел’; заметим, однако, что других примеров замены *т* на *ь* в блоке нет); и в ‘а’, и в ‘б’ несколько странный предлог *до*; в) *доръжи* ‘держи’ (ср. сев.-в.-русс. *доржати* ‘держать’ [СРНГ, 8]; но смысл фразы в этом случае неясен).

Все три предложенных здесь варианта перевода имеют один общий недостаток: они не объясняют употребление графемы ‘о широкое’ после согласной буквы, т.е. в

слоге типа CV¹¹. Д.В. Сичинава (Гиппиус, Сичинава 2021: 188-189) высказал предположение, что

[у]потребление широкого *o* можно объяснить в рамках графической системы блока тем, что Есиф имел в виду фонетический и графический облик словоформы ‘ржи’ как *оръжи* с протетическим *o* (ср. известное по письменным памятникам с XVI в. *оржаной*), и тогда запись *доръжи* может интерпретироваться как гиперкорректная запись слияния предлога с этим *o*, подобно *досени* 724, при том что для протезы после предлога, разумеется, фонетически нет основания.

Данная гипотеза вызывает сомнение как с точки зрения фонетики, так и с точки зрения графики. Что касается фонетики, Сичинава справедливо отмечает, что протетическое *o* невозможно после предлога. Что же касается графики, гиперкоррекцию (впрочем, весьма необычного характера) можно было бы предполагать в том случае, если бы написания типа *оръжи* были нормой для берестяной письменности начала XV в. В действительности, однако, подобные написания не встречаются в берестяных грамотах ни разу (хотя слово *рожь* – весьма частотное). Кроме того, гипотеза Сичинавы также не объясняет употребления ‘*o* широкого’ после согласной буквы.

Как мне представляется, следует исходить из того, что ‘*o* широкое’ в данном написании, как и всегда, обозначает слог типа V. Слоги типа V (если речь не идет о начале текста) всегда следуют за гласной буквой. Если в данном случае гласная перед ‘*o* широким’ отсутствует, значит, она пропущена. Можно предположить, что в записи *доръжи* перед *o* пропущена буква *a*, т.е. речь идет о союзе *да*. Это обычный сочинительный союз у Есифа, ср.: *цо бѣ жси прислалъ восъку да мѣла да овъцини* ‘Прислал бы ты воску да мыла да овчины’. В таком случае фраза имеет вид: *Не забудь Льва o позвъть д[a] o ръжи*, перевод: ‘Не забудь Льва в связи с вызовом [на суд] и в связи с рожью, или, в более разговорном варианте: ‘Не забудь про Льва насчет вызова в суд и насчет ржи’.

Писцу грамоты № 122 принадлежат также грамоты № 19 и 129. Все три грамоты содержат довольно много описок, исправлений и пропусков букв (ДНД2: 645). Впрочем, все пропущенные буквы (их всего четыре) позже были вписаны над строкой. Естественно, возникает вопрос, почему это не было сделано в случае с записью *доръжи*. Причина этой непоследовательности может заключаться в следующем. Там, где писец внес исправления, в двух случаях были пропущены буквы в именах самих Есифа (грамота № 129) и Фомы (грамота № 122), т.е. в именах автора и адресата грамот. Подобные огрехи были бы явным нарушением норм эпистолярного этикета. Два других пропуска произошли на одном коротком отрезке грамоты № 19: вместо

¹¹ Ранее графема *o* читалась также в словоформе *здѣсо* грамоты № 19 (ДНД2: 644), написанной тем же почерком, что и грамоты № 122, 129. Однако позднее в чтение была внесена поправка, согласно которой “перед нами в действительности не *o*, а ожидаемое в этом слове *e*” (НГБ XII: 197-198).

ино бѣ добро ‘то было бы хорошо’ первоначально было написано *ибѣдобро*. Оставленный в таком виде, текст представлял бы собой полную бессмыслицу. Что же касается пропуска буквы во фразе *Не забудь Льва о позъвъ д[а] о рѣжи*, то здесь у читателя, знакомого с обстоятельствами, о которых идет речь, вряд ли могло возникнуть какое-либо недопонимание. По-видимому, по той же причине Есиф оставил без исправления опisku в слове *блудила* (вм. *блудила*) в грамоте № 129, ср.: *Да пересльшиваи о Таньи, цо бѣ не блудила цого зра.*

Замечу, что предложенная версия не только решает загадку ‘о широкого’ в грамоте № 122, но и устраняет “несколько странный”, по Зализняку (ДНД2: 644), предлог *до* в обороте *позов до ржи*.

3. Грамота № 1121 (←1120-1140)

...
 ... [: и а]з[ъ] крале бѣбры : про дан[ъ] :и: грѣве :
 въ бѣб[рѣ]хъ : а се крали :[к]: мѣ[х]ъ ж милоѣ
 ---- --мѣ татъ въ(...)(грв)[ноу] .:

По словам А.А. Гиппиуса (2020: 32), “[п]еред нами фрагмент протокола рассмотрения нескольких дел о кражах меховых шкур. Это древнейший образец русской судебной документации”.

Для фрагмента [: и а]з[ъ] крале бѣбры : про дан[ъ] :и: грѣве : въ бѣб[рѣ]хъ в цитированной статье даны два варианта перевода, и оба не лишены проблем.

Первый вариант представлен в переводе: “...и я украл бобров (про дань – 8 гривен в бобровых шкурах)” (*там же*). Отмечая сходство этого фрагмента с “расспросными речами”, хорошо известными из русских приказных документов XVI-XVII вв., Гиппиус пишет (*там же*):

Предложенный перевод предполагает, что слова *и азъ крале бѣбры* – это прямая речь пойманного вора, а фраза *про дан[ъ] :и: грѣве въ бѣб[рѣ]хъ* – рубрика, резюмирующая содержание этой речи, записанной в протокол не полностью.

Однако в статье не приводятся примеров подобного рода резюмирующих рубрик в приказной документации, да в них, по-видимому, и не было нужды: “расспросные речи” в принципе представляли собой не стенограмму, а как раз-таки резюме “речей” подозреваемых. Очевидно, что данная в переводе бюрократическая помета в скобках – попытка преодолеть синтаксическую бессвязность текста, однако такая попытка оправдана лишь при отсутствии более простых решений.

Второе из предложенных в (Гиппиус 2020: 32) истолкований интересующего нас фрагмента таково (*там же*):

Вместо [и азъ] можно прочесть [мхъ], а отрезок *продань* трактовать как И. ед. муж. страдательного причастия от *продати* в значении ‘оштрафовать’. В таком случае по-

лучаем: [лахъ] <-хе> краде бобры: проданъ <-не> :и: грѣве въ бѣб[рѣ]хъ, то есть ‘Лях украл бобров, подвергнут штрафу в 8 гривен за кражу бобров’.

Впрочем, Гиппиус (*там же*) тут же отметил недостаток этой версии, а именно

необходимость предполагать двукратную замену *e* на *ь* – при том что в четырех надежных случаях этимологический *e* записан как *e*. Единственное возможное отклонение от графического стандарта в тексте грамоты состоит в обратной замене *ь* на *e* в *гр[ѣ]ве* (если видеть в этой записи сокращение словоформы <гривень>, хотя здесь нельзя исключать и раннего прояснения сильного *ь*).

Однако это не единственное препятствие, с которым сталкивается данное истолкование. Не менее серьезные проблемы связаны, опять-таки, с синтаксисом. ‘Лях украл бобров, оштрафован, 8 гривен в бобрах’ – подобная последовательность лишенных синтаксической связи сухих лаконичных фраз весьма необычна для древнерусской письменности: недостает сочинительного союза перед причастием *проданъ* (например, *a*) и предлога, соединяющего это причастие с указанием суммы, на которую оштрафован Лях. Ср. в *Повести временных лет* по списку Ипатьевской летописи: *аще оудари(т) мечемъ или копьемъ . или кацъмъ инымъ съсудо(м). Русинъ Гръчина. или Гръчинъ Русина. да того дѣла грѣха заплатити серебра литръ . ѿ . по закону Рускому. аще ли есть неимови(т). да како можетъ въ толко же и проданъ будетъ. тако да и порты в нихъ же ходити и то с него снати* (945, л. 20 об.). В Гиппиус 2002: 92 справедливо указано, что причастие *проданъ* в данном случае образовано от глагола *продати* в значении ‘наложить штраф, оштрафовать’ и что соответствующая фраза должна переводиться: ‘пусть будет оштрафован на стоимость всего, чем владеет’. Аналогичным образом и в грамоте № 1121 при причастии *проданъ* в значении ‘оштрафован’ ожидался бы предлог *въ* с именной группой в винительном падеже (‘продан в 8 гривен’).

Между тем возможно еще одно, до сих пор не рассматривавшееся истолкование данного фрагмента. Известно, что в древнерусском языке у предлога *про* широко представлено значение ‘из-за, по причине’ (СДРЯ XI-XIV 8: 673-674; СЛРЯ XI-XVII 20: 93)¹², ср., например: *аже г(с)нѣ бѣжеть закоупа про дѣло. то без вины жеть* (*Русская Правда*, сп. 1285-1291 гг., 624а, цит. по: СДРЯ XI-XIV 8: 673); *стрѣльцемъ стр[ла] ющи(м)са обоимъ межи собою. полкома. и не догъхавше Мстиславици повергоша стлгъ и побгъгоша <...> и про то мнози оубгъжаша. тако и не рознати ратны(х) бѣ ту* (*Лавр.*, 1176 г., л. 127); Следовательно, фрагмент *и ѿз[ъ] краде бобры : про дан[ь] :и: грѣве : въ бѣб[рѣ]хъ* может быть переведен как ‘Я украл бобровые шкуры из-за дани, 8 гривен в бобровых шкурах’. Вор сознается в краже, но одновременно пытается смягчить свою вину, заявляя, что совершил преступление из-за того, что не имел денег для уплаты дани. Подобные оправдания, разумеется, отнюдь не редкость в судебных докумен-

¹² Ср. также Пичхадзе 2011: 126-127.

тах, ср., например: *И тот крестьянин Овсяничко в роспросе сказал, пошол деи он был красть з бѣдности, а наперед деи сего он тое клетки не крадывал* (Дело о покраже клетки, 1611 г., цит. по: Любавский 1912: 108). Если предложенная интерпретация верна, то рассматриваемый фрагмент имеет типичную для древнерусского не книжного языка структуру “вначале главная часть сообщения, затем уточнения” (ДНД₂: 190). При этом главная часть (*и Ѧ]з[ѣ] краде бѣдры : про дан[ѣ]*) оказывается синтаксически правильной конструкцией.

Сокращения

ДНД ₁ :	А.А. Зализняк, <i>Древненовгородский диалект</i> , Москва 1995.
ДНД ₂ :	А.А. Зализняк, <i>Древненовгородский диалект</i> , Москва 2004 ² .
НГБ II:	А.В. Арциховский, <i>Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.)</i> , II, Москва 1954.
НГБ IX:	В.Л. Янин, А.А. Зализняк, <i>Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг.)</i> , IX, Москва 1993.
НГБ X:	В.Л. Янин, А.А. Зализняк, <i>Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990-1996 гг.)</i> , X, Москва 2000.
НГБ XII:	В.Л. Янин, А.А. Зализняк, А.А. Гиппиус, <i>Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001-2014 гг.)</i> , XII, Москва 2015.
СДРЯ XI–XIV:	<i>Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.</i> , I–XIII-, Москва, 1988–2023-.
СЛРЯ XI–XVII:	<i>Словарь русского языка XI–XVII вв.</i> , I–XXXII-, Москва, 1975–2023-.
СРНГ:	<i>Словарь русских народных говоров</i> , I–LII-. Москва–Санкт-Петербург, 1965–2023-.

Литература

Бодуэн де Куртэне 1912:	И.А. Бодуэн де Куртэне, <i>Об отношении русского письма к русскому языку</i> , Санкт-Петербург 1912.
Буров 1979:	В.А. Буров, <i>Заметки о новгородских берестяных грамотах</i> , “Советская археология”, 1979, 1, с. 218–227.
Васильев 1908:	Л.Л. Васильев, <i>О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. Главы I–III</i> , “Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук”, XIII/3, 1908, с. 181–255.

- Гиппиус 2002: А.А. Гиппиус, *О критике текста и новом переводе-реконструкции "Повести временных лет"*, "Russian Linguistics", XXVI, с. 63-126.
- Гиппиус 2020: А.А. Гиппиус, *Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе*, "Вопросы языкознания", 2020, 5, с. 22-37.
- Гиппиус 2024: А.А. Гиппиус, *Берестяные грамоты из раскопок 2023 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе*, "Вопросы языкознания", 2024, 4, с. 7-26.
- Гиппиус, Зализняк 2018: А.А. Гиппиус, А.А. Зализняк, *Берестяные грамоты из раскопок 2017 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе*, "Вопросы языкознания", 2018, 4, с. 7-24.
- Гиппиус, Сичинава 2021: А.А. Гиппиус, Д.В. Сичинава, *Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация*, "Русский язык в научном освещении", 2021, 2, с. 178-259.
- Живов 2017: В.М. Живов, *История языка русской письменности*, I-II, Москва 2017.
- Зализняк 1979: А.А. Зализняк, *О понятии графемы*, в: Т.В. Цивьян (ред.), *Valcanica. Лингвистические исследования*, Москва 1979, с. 134-152.
- Зализняк 1990: А.А. Зализняк, *Огосподинъ*, в: В.В. Иванов (ред.), *Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка (Сборник статей к 60-летию В.А. Успенского)*, Москва 1990, с. 6-25.
- Зализняк 2002: А.А. Зализняк, *Древнерусская графика со смешением ъ – о и ъ – е*, в: "Русское именное словоизменение" с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию, Москва 2002, с. 577-612.
- Любавский 1912: М.К. Любавский (ред.), *Смутное время Московского государства*, "Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете", I, 1912, Москва 1912.
- Петрухин 2020: П.В. Петрухин, *Чтение по складам и графико-орфографические особенности древнерусских берестяных грамот*, "Slověne", IX, 2020, 2, с. 103-128.
- Петрухин 2023: П.В. Петрухин, *Берестяные грамоты как отражение перехода восточных славян от дописьменного общества к письменному*, в: С.М. Михеев, Д.В. Сичинава (отв. ред.), *От сорочка к Олехше. Сборник научных статей к 60-летию А.А. Гиппиуса*, Москва 2023, с. 195-212.
- Пичхадзе 2011: А.А. Пичхадзе, *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*. Москва 2011.

- Успенский 1970/1997: Б.А. Успенский, *Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты)*, в: Он же, *Избранные труды*, III (*Общие и славянское языкознание*), Москва 1997, с. 246-288.
- Успенский 2002: Б.А. Успенский, *История русского литературного языка (XI-XVII вв.)*, Москва 2002².
- Черепнин 1969: Л.В. Черепнин, *Новгородские берестяные грамоты как исторический источник*, Москва 1969.
- Шахматов 1886: А.А. Шахматов, *Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века*, Санкт-Петербург 1886 (= *Исследования по русскому языку*, I, СПб., 1885-1895, с. 127-285).
- Щерба 1957: Л.В. Щерба, *Теория русского письма*, в: Он же, *Избранные работы по русскому языку*, Москва 1957, с. 144-179.
- Янин 1998: В.Л. Янин, *Я послал тебе бересту...*, Москва 1998³.
- Hammerich, Jakobson 1970: L.L. Hammerich, R. Jakobson (eds.), *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov, 1607*, II, Copenhagen 1970.

Abstract

Pavel V. Petrukhin

Notes on the Novgorod Birchbark Letters (Letters n° 22, 122, 1094, 1121)

The article offers corrections to the reading of a number of Novgorod birchbark letters, as well as some general observations about the language of East Slavic birchbark letters. It is argued that taking into account some general peculiarities of East Slavic birchbarks' graphics and orthography, in particular, the differences between syllables of the type V and syllables of the type CV, can help eliminate errors in reading and interpreting texts.

Keywords

History of Russian Language; Birchbark Letters; Graphics; Orthography.